

Держащим на врагов со молнией перун,
Которому и Марс послушен и Нептун.
Все рады суть сему, я паче всех доволен,
Быв лета многие неизделимо болен,
Надеяся, что он по милости своей
Спокойством облечет моих остаток дней:
В военной бо и я советником служу,
Но не советую, а только превожу
На русской польские патенты и дела,
Но кроет мрачная мои зеницы мгла,
И продолжать уже сей труд не дозволяет,
Хотя усердием мой к службе дух пылает:
Уже бо тридесат и слишком лет прошло,
Как в офицерский чин мя счастье возвело,
Шестой же от роду лет прохожу десяток,
И в жалованьи весь мой состоит достаток,
Да разве мне своей деревней счесть Парнасс.
Скотины же один, но ветхий уж Пегас.
Осьмнадцать лет служил при князе я Тавриды;
Но к горести моей и к чувству обиды
Тот, кто трудившихся при оном представлял
Умершим знать меня сочтя, не написал,
И тем лишил меня участия награды
На штат покойного от росския Паллады,
Котора матерни на всех щедроты льет
И как живущим, так и мертвым воздает
За труд к отечеству, о редка добродетель!
Да продлит жизнь ее вселенная содетель
До самых позднейших времен и лет, и дней,
Для счастья подданных, для помощи царей.
Не люди лишь одни, но рыбы, звери, птицы,
Как удивленный перс, быв у сея царицы,
Заметил, — от нее довольством снабдены, —
Чего же ожидать словесные должны?
Хоть подданным ее последним я считаюсь,
Но милостями ее вседневно озаряюсь,
И благодарственные песни приношу
И буду пети ей доколе же дышу.
Наибольшим для себя то счастьем почитаю,
Что жизнь во дни ее на свете продолжаю.